

ПРОДАВЕЦ СОЛНЦА

Кинсе правда - 3 февр. - 1995. - с. 24.

Фильм Артура
Аристакисяна
"Ладони"
стал обладателем
отечественной
"Ники" и еще шести
международных наград.
Правда, его не решается
пока показать ни самое
консервативное
телевидение, ни самое
прогрессивное

Артур Аристакисян.

Фото Олега Королева.

ки не существует. Я их знал. Кто ушел из них за границу, кто умер, кто ушел в монастырь. Дальнейшее их существование было уже невозможно. Они истончились. Потеряли физическое здоровье. Многие ушли в "нормальную" жизнь, ушли на пенсию, отработав свое.

Хиппи в миру - это тяжело и опасно.

- В чем опасность?

- Внешний вид. Длинные волосы. Заморочки. Идеи.

- Какие?

- Видеть любовь. Чувствовать любовь. Вызывать любовь.

Когда я поступил во ВГИК, в первую очередь получил внешнюю защищенность от милиции, которая постоянно у меня проверяла документы. Особенно, когда я стал показывать книжечку Союза кинематографистов, в который я вступил полгода назад.

- Вокруг тебя большой круг людей?

- Я создал альтернативную мастерскую. И мы давали версию древним притчам по моей методике. Потом мы разошлись, как это часто происходит с близкими людьми. Кто женился, кто не выдержал искушения Москвою.

- В каком смысле?

- В городе, где много группировок - политических, сексуальных, коммерческих, легко стигнуть

- В твоём новом фильме секс будет?

- Странный. Когда человек смотрит на другого и испытывает наслаждение.

- Твои темы - парадокс человеческих отношений?

- Я не от себя иду. Через сознание человека. Гонимого. Господь был гоним. И люди, которые гонимы, могут больше знать и больше чувствовать. Эти люди больше вмешают, но они и больше искушаются. Это - мои люди.

- А всеобщее кино ты любишь?

- Умное и красивое, но такого не встречал в последнее время.

- Кто из режиссеров нравится?

- Ранний Йоселиани. То, что он делает сейчас, плохо. Параджанов. Первые, черно-белые фильмы Тарковского. Последний фильм Пазолини.

- Коммерческое кино ты совсем не признаешь?

- Смотря какое. Спилберга нет.

- Какие книги читаешь?

- Разные шекотливые.

- Любимая музыка?

- "Doors", "Led Zeppelin". Очень чуток рок. Баха. Вивальди.

- Тебе в сегодняшнем мире лучше живется?

- Я не могу сказать - лучше или хуже. Это этапы одного пути. Одно эксперимент. Одной катастрофы.

- Где бы ты хотел побывать?

- В Индонезии. Испанских монастырях. В арабском мире. В Иерусалиме я был. И там мне не понравилось. Все поставлено на коммерческие рельсы.

- А тебя за еврея или за араба принимали?

- Ни за того, ни за другого. Видно, что не свой. Другой.

- А за кого тебя вообще принимают?

- За "продавца солнца"... Это советский стереотип.

РЕЗАНОВ - ХОРОШИЛОВА

Всю церемонию награждения Артур просидел на сцене, где были изображены имперские развалины, не выражая ни ликующей радости, ни упоения. На нем не было ни обязательной бабочки, ни чумового фрака. Он был в растянутом свитере и джинсах и всем своим видом напоминал Джимми Пейджа из "Led Zeppelin".

Модный кинокритик Андрей Плахов в отчете с "Ники" не смог пройти мимо экстравагантности Артура: "Никак не отреагировав на награду, юный документалист воцарился в верхнем из кресел, амфитеатром выставленных на сцене для призеров, и просидел там шесть часов, пока длилась церемония. Иногда он, впрочем, полулежался, оседал под креслом, развлекая тем самым скучавший киноистеблимент".

Потом закончилась долгая церемония. "Юный документалист" с длинными волосами давал интервью, и журналисты таскали за ним "Никю".

На банкете он хотел набрать еды, но, когда туда пришел, еды на столах почти не осталось. Кроме шампанского, которое он не хотел пить. Поскольку пьет мало. И не курит.

Артур вышел из Дома кино. Было три ночи. Москва, как ни странно, не спала. Шел снег.

Он постоял с "этой золотой дурой", не зная, куда идти. У "Джимми" нет собственного дома. Но, поскольку все же идти куда-то нужно было, он и пошел, не спеша.

Первыми ему повстречались на пути веселые алкаши.

Потом молодежь: "Ты что "Никю" получил?" Оказывается, уже по телевизору была трансляция.

"Да, получил..." - и подумал, что ее надо ведь куда-то поставить.

- И куда ты ее поставил?

- К друзьям. В зал, где смотрят телевизор. Она не живая, но мощная.

- А сам где живешь?

- А кто принимает...?

- Ты не москвич?

- Я родился в Кишиневе. Единственный сын у своих родителей, инженеров. Школу закончил с большим трудом. В армию не пошел.

- Ну, я бы просто там не выжил. Меня бы либо убили, либо посадили в тюрьму. Но меня больше всего не хотели видеть сами военные. Я прошел через психбольницу, из которой в любой день можно было сбежать. Я сбежал. И больше не возвращался.

- Сколько тебе лет?

- 32.

- Ты выглядишь, как хиппи?

- Нет, я уже не такой свободный человек, каким был раньше. До института.

- В Америке в 60-х это было целое движение.

- Ну, в Россию пришло попозже.

- Это сложный и опасный путь. Люди "скалывались", спивались.

- Ты тоже пробовал?

- Нет. У меня были более острые другие впечатления. Я готовился сесть, например, в лагерь.

- Как?

- Я не ел мяса. Старался жить в лишениях.

- За что ты собирался сесть?

- За общение с правозащитниками. С людьми религиозными.

- Ты сам - верующий?

- Одно дело быть верующим, другое - жить по вере. Это очень трудно.

- А ты в церковь ходишь?

- За контактами. Ощущениями. Неосознанным соприкосновением любовью. Но духовника у меня нет.

- А жена есть?

- Нет. Я хочу. Я жду. Не выходит.

Плохо стою на земле. А женщины этого не любят.

- Кто твои друзья?

- Молодые, которые не нашли своего места в жизни.

- Их можно назвать неудачниками?

- Нет, это люди - свободные и что-то делают, несмотря на нищету.

- А что ты делал вместо армии?

- Путешествовал. 10 лет. Поступил во ВГИК. 8 лет. Каждый год. На восьмой поступил.

- Что ты делал во время путешествий?

- Искал братьев, учителя, любовь. В 87-м поступил во ВГИК. Я не подходил ни к одному из мастеров. Человек я - странный. Опасный, и меня побаивались.

- А теперь?

- Сейчас просто не люблю.

- Ты давно решил, что будешь заниматься кино?

- В детстве. Вопрос был в материале, в том, чтобы почувствовать алхимию киноленты и начать работать. Я давно сочинял сюжеты, истории. Свой первый фильм "Ладони" снимал в Молдавии. Родители помогали выжить. У них квартира, заработок. Я с

ними жил.

Приводил людей с улицы. Они принимали. Натерпелись, конечно... Я изучал людей. Странных. Их квартиры, дворы, город, где они жили. И часто не покидают свою территорию.

- Это друзья?

- Это не друзья. Я же не жил с ними одной жизнью.

- Какая судьба у фильма?

- У него не будет проката. На ТВ его боялся брат. Тележурналисты пытались ему предоставить эфир, и всем, кто пытался фильму помочь, было отказано. Говорили, что это - религиозный экстремизм, культ нищеты. И в настоящей ситуации такое показывать нельзя.

- Ты пытался его продать?

- Это некоммерческое кино, личное. Я его делал шесть лет. У нас могут его купить, но не хотят. Но тем не менее фильм побывал на де-

сяти международных фестивалях и получил шесть призов...

- Не случайно поэтому и "Ника"?

- Случайно. Решили дать неизвестному, очень странному, молодому.

- Для тебя это стало неожиданностью?

- Да. Я думал, что получит Пелешьян или Голдовская, она всегда получает.

- Как узнали о твоём фильме?

- Секретариат кинематографистов предложил фильм представить. Я пошел в оргкомитет "Ники". Фильм взяли. Студии, которая меня бы представила, не было. Я ведь сам снимал. Некому было покровительствовать. Тогда решили поставить производство ВГИК.

- Твое присутствие на сцене в Доме кино во время церемонии выбивалось из сценария праздника новой киношной номенклатуры "постсоветского модернизма".

- Новая кинематографическая элита не сдвинула своих позиций. Она будет снимать кино. И будет снимать на уровне.

- Почему сейчас нет режиссеров масштаба Параджанова и Тарковского?

- Нет опыта пережитого духа. С человеком может ничего не произойти, но он может пережить и в а т ь , как Пруст,

который был богатым, а переживания испытывал, как человек, побывавший в "зоне".

- Как ты оценил для себя "Никю"?

- Я благодарю "Нике", может быть, растиражирую "Ладони". Может, все-таки фильм покажут. Один сеанс этого фильма был в Музее кино, остальные - закрытые. Я сам сделал три копии.

- Какой следующий фильм?

- Моя заветная история. Не знаю, уложусь ли в сумму денег, которую дает Госкино. Их очень мало, но и за это спасибо. Я надеюсь на продюсера. Но все просят зарплату как минимум миллион в месяц. Правда, продюсер хочет известных актеров. Я же, наоборот, непрофессиональных. С улицы. Профессиональные актеры - это технические актеры. Ими освоено набор приемов. А в фильме должны играть совсем новые люди, из совсем иного мира.

- О чем будет история?

- Это история одной женщины,

Тележурналисты пытались предоставить Артуру эфир, и всем, кто пытался фильму помочь, было отказано. Говорили, что это - религиозный экстремизм, культ нищеты. И в настоящей ситуации такое показывать нельзя.